

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-36-46

МОТИВАЦИЯ АФФИЛИАЦИИ У СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЯ Z

Тарасова Е. М. Разуваева Л. Н.

Пензенский государственный университет

440026, Пензенская обл., г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Российская Федерация

Аннотация.

Цель – изучение некоторых характеристик коммуникативной сферы представителей поколения Z (центениалов) на фоне противоречивости и недостаточности научных знаний по проблеме.

Процедура и методы исследования. Проведён анализ научных источников, позволивший обнаружить радикально различающиеся сведения о социально-психологических особенностях центениалов, предпринято локальное диагностическое исследование с применением «Теста мотивов аффилиации» А. Мехрабиана и «Теста профиля отношений» Р. Борнштейна.

Результаты. Получены данные о среднем уровне выраженности мотивации аффилиации у студентов-центениалов; обнаружены высокие показатели как нормативной, так и чрезмерной межличностной зависимости, а также некоторая тенденция к проявлениям дисфункционального отделения в межличностных контактах.

Теоретическая и/или практическая значимость: Результаты исследования **не позволяют делать вывод** о низкой тенденции к аффилиации, склонности к интровертности и эскапизму студентов Z-поколения.

Ключевые слова: поколение Z, центениалы, аффилиация, межличностная зависимость, студенты вуза

MOTIVATION OF AFFILIATION AMONG GENERATION Z STUDENTS

E. Tarasova, L. Razuvaeva

Penza State University

ul. Krasnaya 40, Penza Region, Penza, 440026, Russian Federation

Abstract.

Aim – to clarify some characteristics of the communicative sphere of generation Z representatives (centennials) against the background of inconsistency and lack of scientific knowledge on the problem.

Methodology. The analysis of scientific sources was carried out, which made it possible to detect radically different information about the socio-psychological characteristics of centennials, a local diagnostic study was undertaken using the “Test of Affiliation Motives” by A. Mehrabian and the “Relationship Profile Test” by R. Bornstein.

Results. Data on the average level of expression of affiliation motivation among centennial students were obtained; high indicators of both normative and excessive interpersonal depend-

ence were found, some tendency to manifestations of dysfunctional separation in interpersonal contacts were also stated.

Research implications. The results of the study do not allow us to conclude that there is a low tendency to affiliation, a tendency to introversion and escapism among Z-generation students.

Keywords: generation Z, centennials, affiliation, interpersonal dependence, university students

Введение

Количество научных и научно-популярных публикаций о специфике поколения Z (Digital Natives, «цифровых аборигенов», «центениалов») за последние 5 лет в России заметно возросло. Актуальность исследования этой специфики связана с тем, что это первое поколение, взросление которого происходит под постоянным влиянием медиапространства и цифровых технологий. При этом учёные-педагоги начинают называть интернет не просто фактором, но агентом социализации для центениалов [9]. Глобальный интернет предоставляет неограниченные возможности получения информации и доступности контактов (находясь дома, человек может иметь бесчисленное множество коммуникаций, в т.ч. с неизвестными людьми). С этим связывают такие характеристики центениалов, как независимость от родителей и педагогов при необходимости получения определенных знаний; приоритетность виртуального общения в ущерб реальному.

В публикациях о социально-психологических характеристиках поколения Z наблюдается крайняя противоречивость. При изучении коммуникативной сферы центениалов делаются радикально различающиеся выводы – от свойственной им интровертности [11] до неспособности какого-либо действия в одиночку, вне команды [16]. В этой связи представляется актуальным дальнейшее

изучение специфики коммуникативных свойств юношества поколения Z, и, в частности, их склонности к аффилиации. Последняя трактуется в психологии как потребность в общении, в эмоциональных контактах, в стремлении иметь друзей, оказывать и принимать поддержку. Блокирование аффилиации вызывает тревогу, чувство одиночества, отчуждённость. Эти негативные эффекты могут быть предотвращены у центениалов, если педагоги и родители будут иметь ясную картину о состоянии мотивации аффилиации у современных школьников и студентов.

Анализ проблемы

По мнению М. Р. Мирошкиной, «цифровые дети» развиваются в качественно новой среде – цифровом биосоциальном пространстве, где виртуальное пространство есть продолжение физического и социального [7]. Утверждается, что становление системы ценностных ориентаций «поколения Z» в социокультурных условиях постмодернистского общества и глобализации определяет её «постматериальную» направленность [14]. Отмечаются такие характеристики поколения Z, как иммунитет к рекламе, космополитическое сознание, толерантность, клиповое сознание, стремление получить максимум информации в короткий срок [13]. М. С. Иванов и М. С. Яницкий, называя центениалов, вслед за авторами теории поколений Н. Хоувом и

В. Штраусом [15], «homelanders» (детьми, сидящими дома за компьютером), в то же время указывают на свойственную им высокую мобильность, непривязанность к постоянному месту жительства и социальному окружению: «Представители поколения Z часто становятся так называемыми “номадами постмодерна”, носителями распространяющихся в обществе “мобилистических традиций”, выбирая цифровое кочевничество, фриланс и другие современные формы мобильного образа жизни» [4, с. 128]. Такая оценка высокой мобильности молодежи, на наш взгляд, может приводить к выводу о её низкой тенденции к аффилиации.

Множество отсылок в публикациях было сделано на выводы и прогнозы А. В. Сапы, сформулированные им в 2014 г. [11] В отношении интересующей нас специфики коммуникативной сферы центениалов он предсказывал, что представителям этого поколения легче будет устанавливать контакт с компьютером, чем друг с другом; что в их среде вероятно увеличение случаев доклинических форм аутизма; что они будут «менее общительными, более погруженными в себя и виртуальный мир и фантазии», и в этой связи предупреждал психологический диагноз нового поколения – «интровертированный индивидуализм» [11, с. 28]. В отсутствие на тот момент реальных эмпирических исследований, эти положения А. В. Сапы были широко растиражированы и воспроизводятся до сих пор другими авторами.

Так, М. А. Новак, перечисляя достоинства центениалов (умение быстро обрабатывать большие информационные потоки, способности к понима-

нию сути изобретения в инженерии и робототехнике, ценности личной свободы), тем не менее считает их поколением, ориентированным вовнутрь, «на себя», что влечёт риски недостатка опыта живого взаимодействия со сверстниками, понимания разных эмоций в личных коммуникациях [8]. Т. А. Ольховая утверждает, что современные подростки склонны к эскапизму и интровертности [9]. Довольно противоречивы эмпирические данные в исследовании А. В. Гавриловой: с одной стороны, у представителей «цифрового поколения» выявлены такие характеристики, как независимость от группы, индивидуализм, с другой, обнаружено, что «при взаимодействии современные дети стремятся помочь и поддержать партнёра, способствовать его развитию и благополучию» [3, с. 61].

В. Г. Рындак наделяет студентов поколения Z инфантилизмом, дефицитом учебной активности, безответственностью; отмечает, что преподаватель для них – не авторитет, а их общение в соцсетях сопровождается увеличением психоэмоционального напряжения, тревоги, депрессии, переживанием внутриличностного конфликта из-за ожидания похвалы, популярности; среди их ценностей первые места занимают не карьера и достаток, а «счастье, комфорт, благополучие, спокойствие» [10]. В исследовании М. С. Яницкого и соавторов выявлено, что «уважение традиций» занимает в ценностной иерархии Z-поколения последнее место, приоритетны ценности самостоятельности и независимости, открытости к изменениям [14]. Это не очень согласуется с утвердившимся мнением об инфантилизме центениалов.

Л. В. Темнова и М. М. Медникова констатируют, что ведущей потребностью у подростков Z, кроме познания и построения собственного «я», является потребность в аффилиации. Предпочтение центениалами виртуальной среды авторы объясняют, кроме прочего, следующим: «Чем больше лайков они получают, тем сильнее хотят заработать их ещё, ведь это – удовлетворение потребности в аффилиации» [12, с. 21]. Авторы высказывают опасение, что коммуникация в киберпространстве может приводить к «атрофии» умения воспринимать и выражать эмоции и снижению способности к эмпатии. Но, по результатам их же исследования, не подтвердилось снижение уровня эмпатических способностей у респондентов. Выяснилось, что у представителей поколения Z наиболее выражена шкала «Проникающая способность эмпатии», что, по мнению авторов, говорит о том, что «зеты» более ориентированы на формирование доверительной атмосферы при коммуникации, для них важны комфорт и безопасность (что и предоставляет им виртуальное общение) [12].

А. И. Лучинкина на разновозрастной выборке выявила, что по позитивности влияния Интернет занимает, по оценкам респондентов, третье место после семьи и неформальных объединений, а основные отличия, возникающие в ходе интернет-социализации, связаны не с возрастом пользователей, а с их вовлечённостью в интернет-пространство (временем и частотой пребывания в Сети) [6]. Ею также обнаружено, что с возрастанием интернет-активности уменьшается доля выраженности у пользователей

коллективных ценностей и возрастает доля индивидуальных.

Нельзя не коснуться проблемы взаимоотношений центениалов с родителями, поскольку известно, что аффилиация как потребность в общении и эмоциональных контактах формируется в отношениях с родителями и зависит от стиля воспитания. Ряд авторов заявляет [2; 11], что у новой молодёжи обостряется конфликт отцов и детей, конфликт мировоззренческий: «Углубляется разрыв поколений, и то, что дети должны воспринимать от родителей – жизненный опыт и т. д., сейчас они в основном отбрасывают» [11, с. 25]. В то же время, исследования Сбербанка совместно с агентством Validata¹ показали партнёрский, доверительный характер отношений с родителями по оценкам самих центениалов. Есть и другие исследования, свидетельствующие о значимости родителей и их мнения для Z-подростков [5; 10; 12]. А. Б. Кулакова объясняет это тем, что взрослые признают превосходство своих детей в некоторых аспектах и осознают, что их родительское мнение может быть не авторитетным для детей по некоторым областям знаний [5]. Человечество, по видимому, действительно вступило в предсказанную М. Мид эру «префигуративного общества».

Противоречивость и недостаточность научных знаний по обсуждаемой проблеме лучше всего показана в исследовании ученых НИУ ВШЭ, обозначивших *распространённые представления о поколении центениалов*,

¹ 30 фактов о современной молодёжи: исследование Сбербанка и Validata // Янгспейс. URL: <http://youngspace.ru/faq/sberbank-issledovanie-molodezhi> (дата обращения: 21.08.2021).

плохо поддающиеся эмпирической проверке или не проверенные вовсе, как «мифы о поколении Z» [8]. В интересующей нас сфере коммуникации центениалов ими показано, например, что устойчивые и не согласующиеся мифы «Меньше общаются со сверстниками» и «Очень общительны, не могут быть наедине с собой» в таких формулировках опровергаются, но можно говорить о некоторых изменениях в социальных связях из-за развития новых способов коммуникации. Однако, как подчёркивают авторы Н. В. Богачева и Е. В. Сивак, объёмные исследования показывают, что онлайн-общение не слишком радикально отличается от офлайн-общения по своим функциям и роли в развитии личности. Есть данные о том, что общение в интернете может быть эффективным источником поиска социальной поддержки, а представление, что современные подростки не могут оставаться наедине с самими собой, «подтверждается лишь отчасти и в той степени, в которой люди в целом плохо переносят одиночество» [1, с. 33]. Подытоживая, авторы говорят о том, что «социальная сфера «поколения Z» определённо претерпевает изменения, однако их глобальные последствия представляются несколько преувеличенными» [1, с. 33].

Известно, что нижние границы отсчёта поколения Z разнятся у исследователей разных стран (от 1995 г. до 2005 г.), что связано с особенностями культурной и социально-экономической ситуации в них. В России центениалами чаще всего называют людей, родившихся после 2000 г. Нам близка позиция тех, кто полагает, что для российской провинции (где проводилось наше исследование), корректнее гово-

рить о начале рождения представителей поколения Z, начиная с 2003 г.

Эмпирическое исследование

Мы предприняли локальное диагностическое исследование для хотя бы частичного прояснения проблемы о выраженности affiliативных тенденций у студентов поколения Z. В диагностике приняли участие 34 студента 1-го курса бакалавриата Пензенского государственного университета (направления подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование» и 39.03.02 «Социальная работа»). Возраст студентов – 17–18 лет, что позволяет с полным основанием отнести их к центениалам.

Для диагностики были выбраны методики «Тест мотивов аффилиации – МАFF» А. Мехрабиана в модификации М. Ш. Магомед-Эминовой и «Методика определения межличностной зависимости (Тест профиля отношений)» Р. Борнштейна, в адаптации О. П. Макушиной).

«Тест мотивов аффилиации» диагностирует два мотива, входящих в структуру мотивации аффилиации: стремление личности к принятию окружающими (СП) и страх быть отвергнутым другими (СО). В ключе теста содержатся нормативы, в соответствии с которыми респондент может быть отнесён к высокому (177–224 баллов), среднему (81–176 баллов) или низкому (32–80 баллов) уровню выраженности как СП, так и СО.

Результаты, полученные по данной методике, представлены в таблице 1

Таким образом, выявлено преобладание средних показателей основных мотивов аффилиации у студентов эмпирической выборки. Низкий уровень

Таблица 1. / Table 1

Уровни выраженности мотивов СП и СО у студентов / The levels of severity of the motives of SP and CO in students

Уровни выраженности мотива	Низкий	Средний	Высокий
мотив стремления к принятию	2,94%	97,06%	-
мотив страха быть отвергнутым	14,71%	73,52%	11,77%

Источник: данные авторов.

выраженности мотива СП обнаружен только у 1 человека (2,94%), средний уровень СП – у 33 человек (97,06%), высокого уровня выраженности этого мотива в группе исследуемых не обнаружено. При этом довольно велик разброс индивидуальных баллов, соответствующих среднему уровню выраженности мотива СП – от 96 до 161.

По мотиву страха быть отвергнутым (СО) данные не столь однородны. Большинство участников исследования (73,52%) продемонстрировали средний уровень выраженности, но больше и тех (по сравнению с уровнем СП), у кого обнаружены показатели низкого (5 чел. – 14,71%) и высокого (4 чел. – 11,77%) уровней.

Баллы по мотиву СО из категории «средний уровень» также весьма разнятся (от 95 до 166). Это свидетельствует о том, что методика «Тест мотивов аффилиации» не очень чувствительна при анализе эмпирических данных в групповом формате, и ориентирована преимущественно на интерпретацию индивидуальных данных, но нас интересовал в контексте поколенческой специфики именно групповой профиль.

Средний балл по группе выраженности мотива стремления к принятию (СП) – 120,25, мотива страха быть отвергнутым (СО) – 131,69. Применение Т-критерия Стьюдента показало, что различие в выраженности СП и СО в

средних значениях по группе находится в зоне незначимости ($t_{Эмп} = 1,07$).

Второй шаг в интерпретации обсуждаемых результатов диагностики – определение типа мотивации аффилиации у конкретных испытуемых на основе сравнения индивидуальных показателей СП и СО, что даёт возможность разбить их на 4 группы внутри эмпирической выборки: 1) высокий–низкий (СП выше медианы, СО ниже медианы); 2) низкий–низкий (СП ниже медианы, СО ниже медианы); 3) высокий–высокий (СП выше медианы, СО выше медианы); 4) низкий–высокий (СП ниже медианы, СО выше медианы)

Процентное соотношение студентов с разными типами мотивации аффилиации представлено в таблице 2.

Таким образом, обнаружено преобладание двух групп студентов – с соотношением СП и СО «низкий–высокий» и «высокий–высокий». В первом случае принято считать, что человеку свойственно доминирование страха отвержения в построении отношений с окружающими; во втором случае страх быть отвергнутым препятствует удовлетворению потребности в принятии, в общении как таковом. Кроме того, сочетание «высокий–высокий» может являться мотивационной основой конформного поведения и формирования у человека тенденции к зависимости.

Таблица 2 / Table 2

Соотношение уровней развития мотивов СП и СО у студентов / The ratio of the levels of development of the motives of SP and CO in students

Показатели СП и СО у студентов	Количество студентов
высокий – низкий	17,65%
низкий-низкий	8,82%
высокий-высокий	35,29%
низкий – высокий	38,24%

Источник: данные авторов.

Не исключено, что полученные данные о выраженности у студентов-первокурсников мотива «страх отвержения» связаны с адаптацией к новым жизненным обстоятельствам – началом обучения в вузе и включением в новую формальную группу. Объясняя этими обстоятельствами некоторая дезориентация личности приводит, кроме прочего, к снижению уровня ожидания приятия, дружеской поддержки от малознакомых лиц. Нельзя забывать и о том, что возраст студентов, принявших участие в диагностике, в современной возрастной психологии может быть отнесён к подростковому, на протяжении которого личность, на фоне нестабильного самоотношения, сверхчувствительна в отношении оценок окружающих, поэтому велика вероятность переживания боязни отвержения как ожидания непонимания, неудачи при построении отношений.

Вторая из методик – «Тест профиля отношений» была выбрана для уточнения меры зависимости личности в общении, поскольку по первой методике у трети студентов выявлено сочетание «высокий-высокий» уровней СП и СО, что может свидетельствовать о риске тенденции к зависимости.

Тест имеет три шкалы: 1) деструктивная сверхзависимость (чрезмерная

межличностная зависимость), 2) деструктивное (дисфункциональное) отделение и 3) нормативная (здоровая) зависимость.

Получены следующие средние значения по группе: по шкале «деструктивная сверхзависимость» – 33,15 б.; по шкале «дисфункциональное отделение» – 33,77 б.; по шкале «здоровая зависимость» – 32,92 б.

Видно, что все три показателя в групповом формате практически не отличаются (что можно объяснить и эффектом усреднённости), при этом, согласно тестовым нормам, относятся к среднему уровню выраженности.

Тестовые нормы позволили распределить студентов по трём уровням выраженности межличностной зависимости, что отражено в таблице 3.

Таким образом, у более половины респондентов обнаружен высокий уровень чрезмерной межличностной зависимости, что говорит о сильной потребности в эмоциональной близости, любви, получении поддержки. Такая потребность сопровождается тревогой по поводу возможного отвержения, что вполне согласуется с данными по методике А. Мехрабиана о том, что уровень СО в групповом выражении несколько превышает уровень СП. При этом чрезмерная меж-

Таблица 3 / Table 3

Уровни выраженности межличностной зависимости у студентов / Levels of severity of interpersonal dependence in students

Виды межличностной зависимости	Низкий	Средний	Высокий
деструктивная сверхзависимость	8,82%	38,24%	52,94%
дисфункциональное отделение	14,71%	70,58%	14,71%
здоровая зависимость	29,41%	47,06%	23,53%

Источник: данные авторов.

личностная зависимость, по нашему мнению, никак не согласуется с вышеприведёнными указаниями разных исследователей на интровертность, эскапизм или склонность к аутизму лиц поколения Z.

Нормативная (здоровая) зависимость среднего и высокого уровня зафиксирована у 70,59% студентов, что указывает на умение устанавливать долговременные эмоциональные отношения, гибкость в общении, способность обращаться за необходимой помощью. Здоровая зависимость связана с адаптивностью, что, возможно, объясняет факт преобладания среднего уровня этой зависимости над высоким (адаптивность личности может снижаться при резкой смене жизненных условий, в данном случае – при переходе из школы в вуз).

Дисфункциональное отделение как неспособность человека развивать социальные связи, устанавливать отношения привязанности, в основе чего лежит бессознательный страх перед близкими отношениями, на высоком уровне выявлено только у 14,71% студентов. У подавляющего большинства (70,58%) зафиксирован средний уровень этого показателя. Свойственное такому отделению убеждение человека в преимуществе независимости

и самодостаточности в сравнении с близостью и привязанностью также может быть обусловлено адаптационными процессами в жизни первокурсников. Но, возможно, это является социально-психологической чертой центениалов, которых в некоторых научно-популярных публикациях называют поколением «Я», подчёркивая их склонность к переживанию собственной уникальности и самооценности.

Заключение

Полученные в исследовании данные о мотивации аффилиации студентов-центениалов свидетельствуют о преимущественно среднем уровне её выраженности. Статистически незначимое различие в показателях мотивов «страх быть отвергнутым» и «стремление к принятию» не позволяет делать выводы о поколенческой специфике центениалов в сфере межличностных отношений. В частности, невозможно при достаточно высоких показателях выраженности мотива «стремление к принятию» и уровня чрезмерной межличностной зависимости говорить о свойственных поколению Z интровертности, склонности к эскапизму или аутизму. То, что выраженность мотива СО в средних значениях несколько превышает выраженность мо-

тива СП, можно отнести в том числе к процессу адаптации первокурсников к новой коммуникативной среде.

Обнаружена некоторая тенденция к проявлениям дисфункционального отделения в межличностных контактах, что, возможно, является социально-психологической чертой центениалов с их склонностью к переживанию самооценности. Не исключено, однако, что на полученные результаты оказали влияние такие факторы, как адаптация первокурсников к вузу и их возраст,

относимый современной возрастной психологией к подростковому.

Возможно, деформации коммуникативной сферы центениалов из-за специфики виртуальной коммуникации будут обнаруживаться позднее, но на сегодня, по данным нашего локального исследования, нельзя делать выводы о свойственных поколению Z низкой тенденции к аффилиации и «интровертированном индивидуализме».

Статья поступила в редакцию

ЛИТЕРАТУРА

1. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z». М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. 56 с.
2. Воронцова Ю., Ермолаев В. В. Представления «поколения Z» о своей будущей семье (на примере литовских старшеклассников) // Психолог. 2016. № 1. URL: <https://nbpublish.com> (дата обращения: 12.09.2021).
3. Гаврилова А. В. Социально-психологические особенности ментальности нового поколения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия, психология, педагогика». 2016. Т. 26. № 2. С. 58–63.
4. Иванов М. С., Яницкий М. С. Мобильность как стратегия обеспечения личной безопасности в представлениях молодёжи «поколения Z» // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд: сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции / Томск, 24–26 мая 2017 года. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 125–133.
5. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 2–12.
6. Лучинкина А. И. Специфика интернета как института социализации // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5. № 1. С. 59–69.
7. Мирошкина М. Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 44–53.
8. Новак М. А. Формирование социальной успешности подростка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 3 (221). С. 58–65.
9. Ольховая Т. А., Чернова А. А., Парамонов В. Б. Поколение Z: новые реалии социализации // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. С. 28–37.
10. Рындак В. Г. Профессиональное самоопределение студентов из поколения Z: проблемы, пути решения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 5 (223). С. 91–99.
11. Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24–30.
12. Темнова Л. В., Медникова М. М. Влияние виртуального пространства на коммуникацию представителей поколений Z и Y // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11. С. 19–23.

13. Шалыгина Н. В. Игреки и центениалы: новая ментальность российской молодёжи // Власть. 2017. № 1. С. 164–169.
14. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67.
15. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991. 649 p.
16. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. N. Y.: McGraw-Hill, 2008. 384 p.

REFERENCES

1. Bogacheva N. V., Sivak E. V. *Mify o «pokolenii Z»* [Myths about “Generation Z”]. Moscow, National Research University Higher School of Economics, 2019. 56 p.
2. Voroncova Yu., Ermolaev V. V. [“Generation Z” ideas about their future family (on the example of Lithuanian high school students)]. In: *Psiholog* [Psychologist], 2016, no. 1. Available at: <https://nbpublish.com> (accessed: 12.09.2021).
3. Gavrilova A. V. [Social and psychological features of the mentality of the new generation]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya, psihologiya, pedagogika»* [Bulletin of Udmurt University. Series “Philosophy, psychology, pedagogy”], 2016, vol. 26, no. 2, pp. 58–63.
4. Ivanov M. S., Yanickij M. S. [Mobility as a strategy for ensuring personal security in the minds of the “Generation Z” youth]. In: *Cifrovoe kochevnichestvo kak global'nyj i sibirskij trend: sbornik materialov III Mezhdunarodnoj transdisciplinarnoj nauchno-prakticheskoy WEB-konferencii / Tomsk, 24–26 maya 2017 goda* [Digital nomadism as a global and Siberian trend: collection of materials of the III International transdisciplinary scientific and practical WEB-conference / Tomsk, May 24–26, 2017]. Tomsk, National Research Tomsk State University, 2017, pp. 125–133.
5. Kulakova A. B. [Generation Z: theoretical aspect]. In: *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Issues of territorial development], 2018, no. 2 (42), pp. 2–12.
6. Luchinkina A. I. [The specificity of the Internet as an institution of socialization]. In: *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Scientific result. Pedagogy and psychology of education], 2019, vol. 5, no. 1, pp. 59–69.
7. Miroshkina M. R. [Interpretations of the theory of generations in the context of Russian education]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2017, no. 2, pp. 44–53.
8. Novak M. A. [Formation of social success of a teenager]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2019, no. 3 (221), pp. 58–65.
9. Ol'hovaya T. A., Chernova A. A., Paramonov V. B. [Generation Z: new realities of socialization]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2020, no. 4, pp. 28–37.
10. Ryndak V. G. [Professional self-determination of students from generation Z: problems, solutions]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2019, no. 5 (223), pp. 91–99.
11. Sapa A. V. [Generation Z is the generation of the era of the Federal State Educational Standard]. In: *Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii* [Innovative projects and programs in education], 2014, no. 2, pp. 24–30.
12. Temnova L. V., Mednikova M. M. [The influence of virtual space on the communication of representatives of generations Z and Y]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2017, no. 11, pp. 19–23.

13. Shalygina N. V. [Y-s and centennials: a new mentality of the Russian youth]. In: *Vlast' [Power]*, 2017, no. 1, pp. 164–169.
14. Yanickij M. S., Seryj A. V., Braun O. A. [The system of value orientations of the “generation Z”: social, cultural and demographic determinants]. In: *Sibirskij psihologicheskij zhurnal [Siberian Psychological Journal]*, 2019, no. 72, pp. 46–67.
15. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. N.Y., William Morrow & Company Publ., 1991. 649 p.
16. Tapscott D. *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. N. Y., McGraw-Hill, 2008. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарасова Елена Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Пензенского государственного университета;
email: MyRRaHHa@yandex.ru

Разуваева Лариса Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Пензенского государственного университета;
email: razularisa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena M. Tarasova – Cand. Sci. (Economic Sciences), Assoc. Prof. of the Department of Applied Psychology, Penza State University
email: MyRRaHHa@yandex.ru;

Larisa N. Razuvaeva – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Department of Applied Psychology, Penza State University
email: razularisa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тарасова Е. М., Разуваева Л. Н. Мотивация аффилиации у студентов поколения Z // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 36–46.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-36-46

FOR CITATION

Tarasova E. M., Razuvaeva L. N. Motivation of affiliation among generation Z students. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 36–46.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-36-46